

Александр Хинт

Линия 28

Трамваи уже не те, скажут некоторые. И некоторые будут правы, что за трамваи теперь? Внутри табло, они то работают, то нет, а никто на них и не смотрит, что там полезного кроме неправильной температуры? Где бодрящий фантазию ящик с песком, где бес- смертные надписи «Выдернуть шнур. Разбить стекло» или «Первые 5 мест для инвалидов и пассажиров с детьми»? Дети выросли – и сами пассажиры с детьми, а то и внуками. Или инвалиды, не дай бог, конечно. А еще они сделали высокие площадки в вагонах, спереди и сзади. «Вы видели эти новые ступеньки в трамвае?» «Она говорит, я видела ступеньки... Та я на них чуть не поубивалась!» Компостеров нет давно, а как это было славно, засунуть глянцевый листок, щелкнуть и некоторое время разглядывать дырчатую геометрию узора. Кондуктора нет сравнительно недавно.

Когда кондуктор еще был, считалось хорошим тоном оплатить и в ответ на протянутый билет сказать «не надо». Тем самым оставляя решение за ним, положить деньги в карман или отдать в кассу. Особенно подобный жест практиковали женщины старой школы и при этом косо поглядывали на тех, кто билет все-таки брал. «Какая у них зарплата, господи? Копейки же получают». И глупо считать, что плата за проезд это и есть, с одной стороны, их зарплата, а с другой – средства на развитие городского транспорта. Потому что развивать городской транспорт – слишком абстрактное занятие для порядочного человека, а подкормить малоимущего кондуктора – в самый раз.

Позже, когда кондуктора упразднили – потому что достаточно подкормили, – его дело перешло к водителю. «Через переднюю дверь, я сказал!» И сейчас это уже не правило хорошего тона,

не взять билет, а право и обязанность честного пассажира, и нарушитель такой нормы смотрится в общем потоке глуповато. «Копейки получают... Вам что, жалко?» Нет вроде. В смысле, чего нас жалеть, если нам себя не жалко? А теперь, вы слышали, они собираются ввести в приличном городе – приличном, с хорошими традициями – электронный проездной. Электронный! То есть без участия человека, а все межтрамвайные отношения доверить бездушной и абсолютно лишенной понимания железяке. Вам что, жалко?

Многие вопросы не имеют ответа в контексте настоящего времени. Не в смысле «где делись после ремонта улицы итальянские булыжники XIX-го века?». Тут как раз понятно, они делись где надо. А вот, к примеру, кто смотрится лучше, люди в трамвае или люди в салоне «Жигулей», если смотреть на них из трамвая? Это вопрос. Потому что с годами граждане испытывают к владельцам «Жигулей» растущее уважение, и это можно понять. Ты на «Жигулях»? Молодец. Заходи, посидим выпьем, туда-сюда.

Вопросы, однако, бывают непредсказуемые, чтоб не сказать, очень. Например, в замечательной и всеми любимой миниатюре легендарного сатирика воспевается утро на даче, там герой занимается милыми кулинарными подробностями. Автор потрясающе описывает приготовление салата «помидоры резал частей на шесть» – и тут же, прямо в воздухе, загорается, нет, не вопрос, а вопросище: неужели он никогда не делал салат? Из полевых черноморских помидоров, каждый размером с теннисный мяч. Где для такого хлебосольного дизайна найти человеческий рот? Бывает, конечно, мелкая продолговатая «сливка», ее можно и на шесть частей, но разве твердая и не очень сочная «сливка» нормальный помидор для летнего салата? Забавное предположение.

И вот, размышляя подобным образом, любой в состоянии обнаружить, что правда жизни и правда литературы вполне суверенны. То есть они еще перезваниваются и даже ходят друг к другу в гости, но чисто по-приятельски, не напрягаясь. Почему? Потому что салат он, без сомнения, делал, и не хуже нашего, но сказать «резал частей на четырнадцать» еще невероятней, чем резать правду «частей на двадцать три». Но это смешно, на двадцать три. Но звучит глупо. Но чистая правда! Кого волнует, глупо и все. Поэтому автор не выдумывает про четырнадцать и сразу

говорит «на шесть», чтобы люди понимали: врет! Но врет красиво, поэтому – правда. Поэтому правда на бумаге это не та правда, которая в ЖЭКе, или как их там теперь: в настоящем ЖЭКе, а равно в настоящем трамвае бывает такая правда, которая фантастичней любого бухгалтерского отчета.

...Поэтому всякий, кто хоть раз томился на остановке общественного транспорта, знает толк в народных приметах. Непонятно? Очень просто: давно не было трамвая, видимо, скоро он будет. Типичное заблуждение! Потому что «давно» это минут пятнадцать, а не сорок пять. Или вот, чем больше людей на остановке, тем скорее он придет. Как говорят в таких случаях у Квентина Тарантино: *ahh, really?* А если вы все же продолжаете настаивать, посмотрите на красивый вагон с надписью «Аварийный», это уже второй. Что вы сказали? Сволочи, согласен.

Рано или поздно, но желанный 28-й на остановку приходит – и все, кто мариновался на конечной, вошли, а те, кому надо, уже сели. А способные видеть будущее заняли стоячие места: смысл сидеть, если все равно уступать беременной девушке? Или небеременному мужчине, но с сезонными обострениями. Ну что, поехали? Отнюдь. Или, как любил упрекнуть собеседника отечественный классик, «отнюдь нет», трамвайные двери не закрываются – взамен открывается кабина водителя, и оттуда появляется она, приземистая, или, говоря проще, коренастая. Будь она мужик, самым уместным было бы определение «кряжистый». Похоже, в детстве она проглотила паука, но унаследовала от него не восемь ног, а только две, зато самые крепкие. Седоватые волосы ее местами имеют оттенок толерантности, но это опасная иллюзия.

– Так. Давай, заплатил за проезд. Оплачиваем быстро.

Вагоновожатая нависла над импозантным парнем. Закинув ногу на ногу, парень продолжает вальяжно говорить по телефону, но косится в ее сторону уже довольно опасно. Женщина сделала акцентированный жест в районе уха, мол, «закругляйся нахрен с этими делами, не задерживай». Импозантный проблеял «мяся, я перезвоню» и уставился на нее.

– В чем дело?

– Проезд оплачиваем, я сказала.

– Я на выходе заплачу.

– Ничего не на выходе! Счас плати.

Парень замешкался, в облике его сквозила готовность сопротивляться. Трамвай заинтересовался такой шикарной беседой, люди с удовольствием следили за мизансценой, и лишь сидящий у окна мальчик продолжал дуть на разноцветную крутилку, от чего та вертелась и потрескивала. Прямо перед ним восседала дама, фиолетовые волосы ее бодро развевались от выдуваний, обнажая пролысины, на лице гражданки наметилось очевидное удовольствие. Водитель сделала движение рукой – стоящие уплотнились и мгновенно оформили правильный полукруг.

– Я непонятное шо то говорю? Или у тебя столбняк?

– Все на выходе платят.

– Задерживаем вагон. Не хочешь платить, давай встал и вышел отсюда.

– На каком основании? Покажите правило.

– Я счас на лбу тебе напишу правило, вот этим пальцем.

Сцена действовала завораживающе, как удав на активиста «Гринпис», но электорат оценил саспенс по достоинству. Всюду наблюдались признаки людского равнодушия: слева прыснули, сзади сказали «пипец, командир сегодня строгая». Над головами появился смартфон, чтобы сохранить столь прекрасный контент для вечности. Вожатая зыркнула, пресекая вольницу, и вернулась к телу жертвы, как старая опытная львица.

– Шо мне, станцевать еще, шоб ты понял?

– Я ничего не нарушаю, какие проблемы?

– Проблемы такие, шо ты или заплатил, или встал и вышел, я сказала.

– Не собираюсь. Я такой же пассажир, разницы никакой.

Напряжение нарастало, как нарастает предчувствие больших перемен, когда вы – вдрызг, а навстречу по ночной пустынной улице плывут три ласковых милиционера. Или трое полицейских, какая разница?

– Я скажу тебе, какая разница...

«Одна как поролон, другая сетка-рабица», – отреагировали из зала. Публика уже находилась в приятном гальваническом растворе и допускала смелые трактовки коллизий.

– Разница такая, шо у них есть деньги на проезд, а у тебя нету. Или шо ты мне скажешь? Покажи деньги.

На языке бокса это было равносильно хорошему удару по печени. Или как минимум апперкоту. Потерпевший поморщился, его ответ смотрелся вяло, неубедительно.

– Я же сказал, заплачу. На выходе.

– Он сказал... Чем ты заплатишь, чем? На гармошке людям споешь? Здесь бомжевать нельзя. А то я счас, кажется, ментов вызову.

Повисла неприятная теснота, в салоне переваривали услышанное. Росла и ширилась театральная пауза, и только Мельпомена в тишине еще делала выбор, на какую сцену ей сворачивать, комедийную, трагическую или мелодраматическую. Рядом кашлянули, кто-то решил помочь: «Шо за беда, вот, держите три гривни – и поехали». И решил напрасно, как это часто бывает.

– Деньги заберите свои, он выйдет, я сказала. Шо ты не понял походу? Счас походу поймешь. Пovyрачивали уродов на свою голову...

Слово «урод» она произносила, как и положено в данной местности, с ударением на первый слог. Давая тем самым понять, что речь идет не об уродцах, растимых в научной колбе с научной целью, а о существах родных и ментально близких.

– Шо там лярва твоя, кормит еще тебя? Еще терпит? Я ее, суку, на порог не пушу. Тварь такая... На хер она меня посылает.

– Ты ей кастрюлю на ноги вывернула.

– Жаль, не на голову... А этот стоял и ржал, как маму в родном доме посылают. Пошел сам пешком до Пастера ходить, понял? К лярве своей.

– Ладно, тогда меня Таня в кабину возьмет.

– Таня не самоубийца, я всех предупредила. Так что давай, пешком по родному городу, если мозгов нет. И, кстати, замки на дверях уже поменяные, так что милости просим.

– Там мои вещи...

С улицы еще подходили, но уже висли на входе, не всем удавалось просочиться внутрь. А внутри у нее будто сработала автоматическая передача, непрерывно нагнетая и без того нормальную подачу горючего.

– Тварь такая... Ночей не спала из-за твари такой, Ромчик больной, Ромчику лекарства надо, мандаринка, Ромчику репетитор надо... Из военкомата забирать надо, в долги влазила. Тварь такая... Иди к лярве своей, давай, встал и пошел. Послала она меня... Когда я сдохну, попрошу тетю Люсю, шоб они не говорили тебе, где я лежу. Шоб ноги твоей не видела около своей могилы, понял? Тварь такая...

Он выходил медленно и стоял у вагона, глядя чуть в сторону. Достал телефон, подержал и вернул его в карман, неспешно закурил. А она возвращалась на рабочее место, неуклонно раздвигая тугое пространство жизни. Хлопнули двери кабины... В ту же секунду мальчик прекратил дуть, крутилка замерла – и сразу будто пружина развернула фиолетовую голову, предъявляя миру лукавую двусмысленную улыбку, что-то вроде «12 вещей, о которых вы мечтали спросить, но не узнаете. Разве что очень попросите... А вы ведь попросите, правда?».

Осторожно, двери закрываются. Трамвай начинает движение, успевая качнуться на рельсах и сообщить не добежавшему метров тридцать пешеходу, что жизнь невыразимо хороша.

